

В.Т. Фаритов

ФЕНОМЕНЫ ГРАНИЦЫ И ТРАНСГРЕССИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Ю.М. ЛОТМАНА: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ СЕМИОТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Рассматривается проблема возможности формирования семиотической философии на материале наследия Ю.М. Лотмана. Обосновывается положение, что теоретические разработки Ю.М. Лотмана обладают не только литературоведческой, но и философской значимостью. Показывается, что семиотическая философия Ю.М. Лотмана по преимуществу посвящена разработке концептов границы и трансгрессии. Данное обстоятельство позволяет связать исследования Ю.М. Лотмана с такими направлениями неклассической философии, как перспективизм и философия жизни.

Ключевые слова: Ю.М. Лотман; трансгрессия; граница; запрет; перспективизм; полифония; философия жизни.

В XXI столетии существенно возрастает интерес к философским аспектам русской семиотики. Выходят монографии Н.С. Автономовой [1], И.В. Дёмина [2], А.Ю. Нестерова [3] и А.Ю. Шелковникова [4]. Увеличение внимания исследователей к философскому потенциалу семиотики является прямым следствием кризиса метафизической парадигмы и инициированного им «лингвистического поворота». Концептуальные разработки семиотической школы позволяют осуществить переориентацию философских поисков, дать неклассическому философскому дискурсу новую направленность, обеспечить современные философские исследования необходимым категориально-понятийным аппаратом (поскольку аппарат классической философии в силу своей метафизической направленности оказывается нерелевантным современной ситуации). Следуя М.Н. Эпштейну, можно говорить о возможности формирования философии семиотики в качестве самостоятельного направления современной философской мысли [5]. Вместе с тем данное направление пока находится только в стадии формирования, проекта. «Семиотический подход получает все большее распространение в современных исторических и культурологических исследованиях. Однако философские основания, концептуальные рамки и эвристический потенциал этого подхода до сих пор остаются непроясненными. Терминология и отдельные методологические приемы, разработанные в семиотической литературе, часто применяются некритически, эклектично совмещаясь с традиционными методами исторического познания» [2. С. 178]. Для раскрытия философского потенциала семиотики необходимо, прежде всего, поставить и исследовать вопрос об онтологических основаниях семиотического подхода, эксплицировать его связь с общим контекстом историко-философского процесса. Необходимо показать, что семиотическая философия как зарождающееся и формирующееся направление современной философской мысли принадлежит к принципиально новой философской парадигме, к онтологии нового типа [6].

Как отмечает А.Ю. Шелковников: «Философия семиотики вырастает из семиотики. Семиотика дорастает до философских обобщений в теории семиотического пространства (семиосферы) Ю.М. Лотмана, которого следует признать основоположником философии семиотики» [7. С. 1]. Соответственно, исследова-

ние онтологических оснований семиотической философии уместно будет начать с анализа концептуальных разработок Ю.М. Лотмана, обладающих значительным философским потенциалом. В нашей предыдущей статье мы попытались показать, что ключевыми моментами его семиотического подхода являются феномены границы и ее преодоления – трансгрессии [8]. В настоящем исследовании мы ставим задачу углубить данный тезис с целью выявления онтологических оснований семиотической философии.

Граница, запрет и трансгрессия

В качестве философского концепта трансгрессия начинает употребляться в работах Ж. Батая. Данный концепт связывается французским автором с феноменами границы и запрета: трансгрессия есть нарушение установленных границ, снятие запретов [9. С. 523–617]. Все названные феномены – границы, запрета и нарушения – не только присутствуют в теоретических исследованиях Ю.М. Лотмана, но и выступают в качестве ключевых моментов его концептуальных разработок.

Прежде всего, граница составляет один из конститутивных элементов текста, наряду со структурностью и выраженностью [10. С. 72]. Граница обуславливает внутреннее членение текста, создавая в нем иерархически организованное пространство со своим центром, периферией и пограничными областями, организуя внутри текста оппозиции верха и низа, своего и чужого, внутреннего и внешнего [Там же. С. 286]. Граница отделяет текст как целостный и самостоятельный феномен от остального знакового пространства, получающего статус «нетекста» или другого текста [Там же. С. 264]. Установление различного рода границ выступает в качестве основания и необходимого условия возникновения и существования текста. Без внутренних и внешних границ текст невозможен.

Лотман, однако, не остается в рамках исключительно литературоведческих вопросов теории художественного текста, но поднимается до уровня философских обобщений. Художественный текст, как и всякое произведение искусства, «представляет собой конечную модель бесконечного мира», является «отображением бесконечного в конечном» [10. С. 265]. В этом плане функция языка художе-

ственного текста оказывается идентичной функции языка философского текста. Как отмечает К. Ясперс, «выражение философски всеохватывающего уразумения должно впасть в противоречия, ибо оно хочет в конечных формах высказать бесконечное» [10. С. 202]. Согласно Лотману, «Моделируя безграничный объект (действительность) средствами конечного текста, произведение искусства своим пространством заменяет не часть (вернее, не только часть) изображаемой жизни, но и всю эту жизнь в ее совокупности. Каждый отдельный текст одновременно моделирует и некоторый частный и универсальный объект» [10. С. 267]. На основе этой установки в тексте возникает фундаментальное противоречие, репрезентирующее базовые онтологические оппозиции части и целого, единичного и всеобщего, индивидуального и универсального, конечного и бесконечного, ограниченного и безграничного. Тенденция к замкнутости, ограниченности в пространстве художественного текста дополняется тенденцией к универсальности и, соответственно, безграничности. Возникающее противоречие создает напряжение, необходимое для того, чтобы текст мог обрести эстетическую и / или философскую значимость. Без этого напряжения разнонаправленных установок текст в качестве художественного произведения неосуществим. Наличие одних границ, выделяющих и структурирующих текст, недостаточно: текст в этом случае окажется просто замкнутой на себя моделью определенной части мира. Он будет конечным выражением конечного, ограниченной репрезентацией ограниченного. Но и без предварительной установки всех необходимых границ текст, как уже говорилось выше, также не может существовать. Не существует возможности создать бесконечную модель бесконечного, само понятие таковой модели есть *contradictio in abstracto*. Текст может имитировать отсутствие границ, но границы все равно будут составлять конститутивный момент его существования. Сам человек является конечным и ограниченным по своему способу бытия, поэтому восхождение к бесконечному для него возможно только посредством конечных, предварительно ограниченных форм. Непосредственный выход в беспредельное означал бы для человека устранение всех границ собственного бытия, т.е. гибель, прекращение существования.

Тенденция к установлению границ в тексте поддерживается полаганием запретов на нарушение этих границ. Функция запрета состоит в придании границам значимости, в их выделении и выявлении. Границы без запрета на их преступание являются слабыми, вследствие чего их возможность служить источником образования структуры и смысла значительно снижается. Лотман выделяет в пространстве художественных текстов абсолютные и факультативные запреты [10. С. 247–248]. К абсолютным относятся такие запреты, нарушение которых в данном тексте невозможно, так как приведет к разрушению самого текста. Такой текст уже перестанет восприниматься в качестве текста и, следовательно, не сможет стать конечной моделью бесконечного. К факультативным относятся такие запреты, «нарушения которых столь обычны, что не могут создать активного содержа-

тельного эффекта» [10. С. 247]. Нарушение этих запретов фактически не обладает значимостью, соответственно, не играет в тексте какой-либо существенной роли. Порождающую функцию способны выполнять запреты, занимающие промежуточную позицию между абсолютными и факультативными: «Нарушение этих сильных для данной системы семантических оппозиций будет, с одной стороны, возможно, а с другой – необычно, странно» [Там же. С. 247].

Запреты этого типа выполняет в тексте особую функцию: они делают значимым нарушение установленных границ. Так в пространство художественного текста включается еще один конститутивный элемент: трансгрессия. Текст как модель универсума строится на основе полагания границ и их преодоления, утверждения нормы и ее последующего нарушения, установки запретов и их трансгрессии. Только таким способом конечное получает возможность выражать бесконечное. Бесконечное само по себе не подлежит позитивному выражению, оно не может быть заключено ни в какие границы. Текст, в свою очередь, не может выстраиваться без установления границ и полагания пределов. Это противоречие снимается (но никогда не устраняется полностью) посредством трансгрессии. Лотман подтверждает свои концептуальные выводы анализом обширного текстового материала. Так, он показывает, что установка нормы и ее нарушение пронизывает все уровни поэтического текста, в том числе его ритмическую организацию: «Ритмическое построение стихотворения представляет собой сложное соотношение упорядоченностей и их нарушений. Причем сами эти нарушения – упорядоченности, но лишь другого типа» [10. С. 437]. Ритмическая последовательность, утверждаемая в качестве нормы, формирует у читателя «инерцию ожидания», на фоне которой отклонение от нормы воспринимается как значимое нарушение. Так поэтический текст разворачивает «игру» упорядоченностей и их нарушений» [Там же. С. 438]. Одним из примеров этой игры выступает в поэзии «закон третьей четверти». Суть этого закона состоит в том, что в четверостишии, как правило, «первые две четверти устанавливают некоторую структурную инерцию, третья ее нарушает, а четвертая восстанавливает исходное построение, сохраняя, однако, память и об его деформациях» [Там же. С. 440].

Трансгрессивные феномены в пространстве художественного текста не только нарушают определенные нормы, но и косвенным образом способствуют утверждению этих норм: «анормативное, внесистемное как художественный факт существует лишь на фоне некоторой нормы и в отношении к ней. Где нет правил, не может быть и нарушения правил» [10. С. 525]. Для создания эстетического эффекта норма требует трансгрессии, но и трансгрессия, в свою очередь, требует нормы. Не только нарушения становятся значимыми на фоне правил, но и сами правила обретают большую значимость на фоне нарушений. Так, в пределе, кощунство может оказаться формой богопочитания [12. С. 311]. От этой мысли ведут многочисленные нити к Ф. Ницше, М.М. Бахтину и Ж. Батаю.

Трансгрессия в пространстве художественного текста получает статус *события*: «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [10. С. 291]. Событие – это «значимое уклонение от нормы (...поскольку выполнение нормы «событием» не является)» [Там же. С. 292]. «Событие – всегда нарушение некоторого запрета, факт, который имел место, хотя не должен был его иметь» [Там же. С. 294]. Из приведенных определений видно, что событие есть трансгрессивный феномен по существу. Событие это и есть трансгрессия.

В европейской философии XX столетия событие станет одним из базовых концептов фундаментальной онтологии М. Хайдеггера и логики смысла Ж. Делёза. Для Хайдеггера событие (*das Ereignis*) есть «просвет», разомкнутость бытия, присутствие бытия (*ist da*). Событие есть «онтологическое различие»: обнаружение бытия в сущем как того, что само не является сущим [13]. Это означает, что ключевым моментом в событии как онтологическом феномене является различие. Эта тема получит дальнейшее развитие в работах Ж. Деррида и Ж. Делёза. Для Делёза событие будет означать рождение смысла как «позитивной дизъюнкции»: «Вместо исключения некоторых предикатов вещи ради тождества ее понятия, каждая «вещь» раскрывается навстречу бесконечным предикатам, через которые она проходит в то самое время, как утрачивает свой центр, то есть свою тождественность в качестве понятия или я [moi]» [14. С. 228–229].

Предложенная Лотманом концепция события вписывается в контекст тех преобразований философского дискурса, которые происходили в XX столетии. Трактую событие как «пересечение запрещающей границы, переход через семантический рубеж» [10. С. 296, 297], Лотман осуществляет значимый для становления неклассической философской парадигмы переход от онтологии *субстанций* к онтологии *функций*. Художественный текст не субстанционален, он функционален, поскольку утверждает не заданные, готовые сущности, но события и функции: «Поэтому в поэтическом тексте, по сути дела, невозможно выделить слово как отдельную семантическую единицу. Каждая отдельная в нехудожественном языке семантическая единица в поэтическом языке выступает лишь как *функтив* сложной семантической функции» [Там же. С. 213]. В пространстве поэтического текста слова в качестве обладающей самостоятельным бытием единицы не существует. Подобно тому, как в квантовой теории элементарная частица представляет собой не статичный самотождественный объект, но «функцию вероятности» [15. С. 102], элементы художественного текста обладают бытием исключительно в качестве функции: «Поэтому ни одна из частей поэтического текста не может быть понята вне определения ее функции. Сама по себе она просто не существует» [10. С. 171]. Переход от субстанций к функциям осуществляется в работах М.М. Бахтина, в частности в его трактовке феномена карнавала: «Карнавал торжествует самую смену, самый процесс сменяемости, а не то, что именно сменяется. Карнавал, так сказать, функционален, а не субстанционален» [16. С. 144].

Выступая в качестве функции, любой элемент художественного текста получает свой смысл посредством пересечения семантических полей. Данный феномен близок дизъюнктивному синтезу, о котором говорил в «Логике смысла» Ж. Делёз. Пересечение семантических полей и есть событие как трансгрессивный феномен. Границы того или иного элемента (будь то слово или фонема) нарушаются, образуются новые, не существующие вне данного контекста смысловые связи и значения: «возникнет значение, невозможное вне этого сопоставления и единственно выражающее сложность авторской мысли» [10. С. 188]. Это трансгрессивное взаимопересечение и взаимоналожение семантических полей приводит к образованию *архисемы* – «семантическому ядру, возникающему на пересечении полей значений каждой из основных семантических единиц» [Там же. С. 193]. Так посредством трансгрессии образуется «смысловая структура особой сложности, необходимая для выражения особо сложного содержания», собственно, поэтический текст [Там же. С. 177]. Особо сложное содержание, для которого требуется столь сложно организованная структура, как поэтический текст, это – бесконечность, мир, как неисчерпаемый универсум.

Таким образом, на основании исследований Ю.М. Лотмана можно сделать вывод, что трансгрессия является универсальным и необходимым компонентом художественного текста как такового. Трансгрессия здесь не является простой помехой или шумом, увеличивающим энтропию структуры. Напротив, трансгрессия выполняет в художественном тексте структурообразующую и смыслопорождающую функцию: «Художественный текст, снимая запреты, существующие на определенных уровнях (грамматическом, семантическом, стилистическом, интонационном и т.д.), на постановку рядом тех или иных сегментов текста, активизирует структурную функцию тех элементов, совпадение которых – необходимое условие для сочетаемости тех же сегментов в нехудожественном тексте» [10. С. 118].

Перспективизм, полифония и философия жизни

Трансгрессивное пересечение различных семантических полей в художественном тексте может принимать форму пересечения различных точек зрения. Тем самым в тексте как модели мироздания утверждается перспективный и полифоничный характер бытия. В истории философии перспективизм связывается в первую очередь с именами Г.В. Лейбница и Ф. Ницше, а исследователем полифонии является М.М. Бахтин. Ю.М. Лотман утверждает перспективизм в качестве основополагающего момента художественного текста, претендующего на построение усложненного образа мира: «действительность – это взаимопересечение различных точек зрения, позволяющее выйти за пределы ограниченности каждой из них. Носителем значения становится не какой-либо стилистический пласт, а пересечение многих контрастных стилей (точек зрения), дающее некое «объективное» (надстилевое) значение» [10. С. 60–61].

При этом следует учитывать, что и в качестве философской позиции и в качестве структурообразующего компонента художественного текста перспективизм не однороден. Существуют как минимум два типа перспективизма, выражающих две принципиально различные онтологии и столь же принципиально различные подходы к художественно-эстетическому моделированию мироздания. Первый тип является метафизическим. Суть его в том, что все многообразии точек зрения на мир фокусируется в единой универсальной точке зрения («метapersпективе»), сводится к общему знаменателю, к единому онтологическому основанию. К этому типу относится перспективизм монадологии Г.В. Лейбница. Философ поясняет свою мысль с помощью образа города, обозреваемого с различных позиций: «И как один и тот же город, если смотреть на него с разных сторон, кажется совершенно иным и как бы *перспективно* умноженным, таким же точно образом вследствие бесконечного множества простых субстанций существует как бы столько же различных универсумов, которые, однако, суть только перспективы одного и того же соответственно различным *точкам зрения* каждой монады» [17. 422–423]. Каким бы различным не представлялся город в тех или иных перспективах, город все равно один, его существование носит объективный характер. В конце концов для Лейбница существует верховная монада (Бог), в которой все эти различные перспективы сходятся как в едином центре. В художественной литературе этому типу перспективизма соответствует «монологический роман»: «все полноточные авторские осмысления рано или поздно соберутся к одному речевому центру и к одному сознанию, все акценты – к одному голосу» [16. С. 237]. М.М. Бахтин приводит в качестве примера романа монологического типа произведения Л.Н. Толстого. Ю.М. Лотман выявляет данный тип организации точек зрения в «Герое нашего времени»: «Автор дает некую множественность субъективных точек зрения, которые, взаимопроектируясь, раскрывают свое общее содержание – действительность» [10. С. 56]. Объективная действительность выступает здесь в качестве инварианта, вычленимого из ряда субъективных точек зрения. Различные точки зрения описывают с разных сторон один и тот же, обладающий самостоятельным онтологическим статусом мир. Таков метафизический перспективизм в философии и художественной литературе.

Второй тип перспективизма – постметафизический – в философии получает выражение в учении Ф. Ницше. Множественность точек зрения «ценности» [18. С. 34] не описывает уже никакой объективной реальности и не сводится ни к какому универсальному субъекту. Текст исчез под интерпретацией – «*der Text unter der Interpretation verschwand*» [19. S. 50]. Причина исчезновения текста (мира) коренится для Ницше в исчезновении универсального субъекта, т.е. в событии смерти Бога. Ницше выстраивает в своей философии принципиально иную, постметафизическую модель мира, в которой множественность и гетерогенность утверждаются сами по себе. Исчезновение высшего метафизического центра приводит

к утверждению сугубо трансгрессивного характера существования. В художественной литературе такая трансгрессивная модель мира получает выражение в творчестве Ф.М. Достоевского, в созданном им жанре полифонического романа. Ю.М. Лотман характеризует данный тип организации точек зрения следующим образом: «многократные перекодировки утверждают отсутствие объективной действительности. Реальность, которая распадается на множество интерпретаций в такой системе, – мнимая. С точки зрения автора, действительность – лишь знак, содержанием которого являются бесконечные интерпретации» [10. С. 56].

Разграничение двух различных типов организации точек зрения соответствует классическому и неклассическому пониманию феномена истины. Первый тип в пространстве русской литературы получил свое выражение в классицизме и романтизме. Все многообразные точки зрения в данном случае сходятся в едином центре – абсолютной и вечной истине. В литературе классицизма этот центр представлен непосредственно: «Фиксированность и однозначность этих отношений, их радиальное схождение к единому центру соответствовали представлению о вечности, единстве и неподвижности истины. Будучи единой и неизменной, истина была одновременно иерархичной, в разной мере открывающейся разному сознанию. Этому соответствовала иерархия художественных точек зрения, лежащая в основе жанровых законов» [10. С. 329]. В романтизме в качестве такого центра выступает мыслящий субъект (автор, лирический герой) как носитель абсолютной истины. Подобная трактовка истины является метафизической и в истории философии соответствует эссенциализму (или догматической метафизике по Канту) и трансцендентальной философии. Истина в данном случае мыслится в перспективе трансценденции.

Второй тип утверждается в неклассической философии. Для него характерно определение истины как сугубо трансгрессивного феномена: «Однако возможна и такая структура текста, при которой художественные точки зрения не фокусируются в едином центре, а конструируют некий рассеянный субъект, состоящий из различных центров, отношения между которыми создают дополнительные художественные смыслы» [10. С. 329]. В такой структуре истина понимается не как единый и универсальный центр, но как пересечение множества перспектив: «Истина, с авторской позиции, возникает как некоторый надтекстовый конструкт – пересечение всех точек зрения» [Там же. С. 335–336]. Вследствие отсутствия единого центра, который позволял бы снять противоречия, в литературе постметафизического периода утверждается борьба разных точек зрения. Поскольку теперь нет возможности выделить приоритетную точку зрения, каждая начинает претендовать на утверждение собственной значимости и на право быть доминирующим способом толкования бытия и мира. В терминологии ницшевской философии речь здесь идет о воле к власти. В концепции Э. Лакло и Ш. Муффа данная ситуация борьбы различных дискурсов будет определяться как антагонизм [20]. Борьба мо-

жет разрешиться утверждением гегемонии одной из перспектив. Либо утверждению будет подлежать сама множественность точек зрения, а их неразрешимые столкновения и пересечения будут образовывать сложную полифоничную ткань художественного текста: «Так возникла та сложная «многоголосная» структура точек зрения, которая составляет основу современного художественного повествования» [10. С. 344]. Базовыми характеристиками повествования такого типа будут увеличение сложности и непредсказуемости и, как следствие, рост информативности текста.

Такой тип организации художественного текста ориентирован уже не на метафизическую Идею, но на живую Жизнь. В философии жизни, начиная с Ницше, основными характеристиками Жизни выступают многообразие и вариативность, подвижность и открытость, переступание установленных пределов. Именно такой представлена жизнь в «Так говорил Заратустра»: «Смотри, – говорила она, – я то, что всегда должно преодолевать самое себя. Конечно, вы называете это волей к творению или стремлением к цели, к высшему, дальнему, более сложному: но все это единое и тайна. Лучше погибну я, чем отрекусь от этого единого; и поистине, где гибель и листопад, там, смотрите, жизнь жертвует собой – ради власти! Пусть буду я борьбой, и становлением, и целью, и противоречием целей; ах, кто угадывает мою волю, угадывает также, какими *кривыми* путями она должна идти. Что бы ни создавала я и как бы ни любила я это – скоро должна я стать противницей ему и моей любви: так хочет моя воля» [21. С. 119–120]. Жизнь здесь описана как трансгрессивный феномен по существу. Утверждение этого «многоликого протеизма жизни» Лотман видел не только в «современном повествова-

нии», но и в поэзии А.С. Пушкина, в «Евгении Онегине», в драматических произведениях.

Утверждение бесконечных интерпретаций вместо единой универсальной точки зрения или субстанции приводит к раскрытию игрового аспекта существования и открывает пути творческого отношения к миру. Как отмечает И.Т. Войцкая: «Антииерархический и антитрансценденталистский импульс в искусстве принес с собой пафос всеобщего порождения и безграничного творчества» [22. С. 321]. Анализируя стихотворение Н.А. Заболоцкого, Лотман пишет: «Творчество освобождает мир от рабства предопределенности и создает свободу возможностей, казавшихся невероятными» [10. С. 690]. Иными словами, творчество делает возможным невозможное. Но это и есть определение трансгрессии. Так, А.А. Грицанов дает следующую трактовку данному феномену: «Трансгрессия – концепт философии постмодернизма, фиксирующий феномен преодоления непроходимой границы, и прежде всего барьера между возможным и невозможным» [23. С. 665]. Если творчество понимается как создание того, что в определенной перспективе ценностей и существования казалось невозможным, то отсюда следует, что творчество есть трансгрессивный феномен по существу. Преодолевая установленные границы, творчество раскрывает новые пути существования и смыслообразования.

Таким образом, завершая исследование, можно сделать вывод, что концептуальные разработки Ю.М. Лотмана имеют фундаментальное значение не только для литературоведения, но и для философии. Лотман принадлежит к тому кругу мыслителей, в творчестве которых осуществляется становление новой парадигмы философской мысли – онтологии трансгрессии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон–Бахтин–Лотман–Гаспаров. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с.
2. Демин И.В. Семиотика истории и герменевтика исторического опыта. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2017. 273 с.
3. Нестеров А.Ю. Семиотическая схема познания и коммуникации. Самара : Самарская гуманитарная академия, 2008. 193 с.
4. Шелковников А.Ю. Философия семиотики. М. : АПКИППРО, 2006. 172 с.
5. Эпштейн М.Н. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 864 с.
6. Фаритов В.Т. Онтология трансгрессии: Г.В.Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений). СПб. : Алетейя, 2017. 442 с.
7. Шелковников А.Ю. Философия семиотики как метагносеологическая проблема : автореф. дис. ... на соискание ученой степени д-ра философских наук. М. : МПГУ, 2006. 33 с.
8. Фаритов В.Т. Семиотика трансгрессии: Ю.М. Лотман как литературовед и философ // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 60–67. DOI: 10.17223/15617793/419/7
9. Батай Ж. Проклятая часть. Сакральная социология. М. : Ладомир, 2006. 742 с.
10. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб. : Азбука, 2016. 704 с.
11. Ясперс К. Всемирная история философии. СПб. : Наука, 2000. 272 с.
12. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, 2014. 416 с.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков : «Фолио», 2003. 503 с.
14. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Академический проект, 2011. 472 с.
15. Гейзенберг В. Физика и философия. М. : Изд-во иностранной литературы, 1963. 204 с.
16. Бахтин М. Проблема поэтики Достоевского. М. : Советская Россия, 1979. 320 с.
17. Лейбниц Г.В. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
18. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 13: Черновики и наброски 1887–1889 гг. М. : Культурная революция, 2006. 688 с.
19. Nietzsche F. Jenseits von Gut und Böse. Köln : Anaconda Verlag GmbH, 2006.
20. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. London : Verso, 2001. xix+198 p.
21. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. Т. 4: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М. : Культурная революция, 2007. 432 с.
22. Фридрих Ницше и русская религиозная философия: переводы, исследования, эссе философов «серебряного века»: в 2 т. / сост. И. Войцкая. Минск; М. : Алкиона – Присцельс, 1996. Т. 1. 352 с.
23. Новейший философский словарь / Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. Минск : Современный литератор, 2007. 816 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 5 апреля 2018 г.

PHENOMENA OF BORDER AND TRANSGRESSION IN YURI LOTMAN'S RESEARCH: ONTOLOGICAL BASES OF THE SEMIOTIC PHILOSOPHY

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 434, 77–82.

DOI: 10.17223/15617793/434/9

Vyacheslav T. Faritov, Ulyanovsk State Technical University (Ulyanovsk, Russian Federation). E-mail: vfar@mail.ru

Keywords: Yu.M. Lotman; transgression; border; ban; perspectivism; polyphony; life philosophy.

The aim of the article is to disclose the philosophical potential of semiotics. To achieve this aim, it is necessary to raise and investigate the issue of the ontological bases of a semiotic approach, to explicate its connection with the general context of the historical-philosophical process. It is necessary to show that the semiotic philosophy as an emerging and developing direction of modern philosophical thought belongs to an essentially new philosophical paradigm, to an ontology of a new type. In this study, the author sets the objective to carry out a philosophical analysis of works of Yu.M. Lotman to explicate the ontological bases of the semiotic philosophy. The material of the study is the conceptual and theoretical developments of Lotman that possess not only literary, but also a considerable philosophical potential. The conceptual and methodological horizon the author uses is the concept “transgression” and the related concepts “border” and “ban”. The term “transgression” is used in the article in the meaning of violation of the established borders, removal of the bans. The author shows that the phenomena of border, ban and violation not only function in the theoretical research of Lotman, but also act as the key moments of his conceptual developments. The author stresses that, according to Lotman, a fundamental contradiction representing basic ontological oppositions of the part and the whole, the single and the general, the individual and the universal, the final and the infinite, the limited and the unlimited emerges in the text. The tendency to isolation in the space of a literary text is complemented with a tendency to universality and, respectively, infinity. This contradiction creates tension necessary for the text to gain aesthetic and/or philosophical significance. Without this tension of the multidirectional orientations, the text as a work of art is impracticable. Existence of borders, allocating and structuring the text, is not enough: the text in this case will be a self-closed model of a certain part of the world. It will be a final expression of the final, a limited representation of the limited. But without a preliminary installation of all necessary borders, the text, as it has already been told above, also cannot exist. The transgressive overlap of various semantic fields in a literary text can take the form of an intersection of different points of view. Thereby, the perspective and polyphonic nature of life is approved in the text as a model of the universe. A conclusion is drawn that conceptual developments of Lotman have fundamental value not only for literary criticism, but also for philosophy. Lotman belongs to the circle of thinkers, whose works form a new paradigm of philosophical thought – transgression ontology.

REFERENCES

1. Avtonomova, N.S. (2009) *Otkrytaya struktura: Yakobson–Bakhtin–Lotman–Gasparov* [An open structure: Jacobson – Bakhtin – Lotman – Gasparov]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
2. Demin, I.V. (2017) *Semiotika istorii i germeneytika istoricheskogo opyta* [Semiotics of history and hermeneutics of historical experience]. Samara: Samara Academy of Humanities.
3. Nesterov, A.Yu. (2008) *Semioticheskaya skhema poznaniya i kommunikatsii* [Semiotic scheme of cognition and communication]. Samara: Samara Academy of Humanities.
4. Shelkownikov, A. Yu. (2006) *Filosofiya semiotiki* [The philosophy of semiotics]. Moscow: APKiPPRO.
5. Epstein, M.N. (2004) *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [The space character: On the future of the humanities]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Faritov, V.T. (2017) *Ontologiya transgressii: G.V.F. Gegel' i Fund Nitshe u istokov novoy filosofskoy paradigmy (iz istorii metafizicheskikh ucheniy)* [Ontology of transgression: G.W.F. Hegel and F. Nietzsche at the source of a new philosophical paradigm (from the history of metaphysical doctrines)]. St. Petersburg: Aleteyya.
7. Shelkownikov, A. Yu. (2006) *Filosofiya semiotiki kak metagnoseologicheskaya problema* [The philosophy of semiotics as a metagenological problem]. Philosophy Dr. Dis. Moscow.
8. Faritov, V.T. (2017) Semiotics of transgression: Yu.M. Lotman as a literary critic and a philosopher. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 419. pp. 60–67. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/419/7
9. Bataille, G. (2006) *Proklyataya chast'. Sakral'naya sotsiologiya* [The Cursed Part. Sacred Sociology]. Translated from French. Moscow: Ladomir.
10. Lotman, Yu.M. (2016) *Struktura khudozhestvennogo teksta. Analiz poeticheskogo teksta* [The structure of the literary text. Analysis of the poetic text]. St. Petersburg: Azbuka.
11. Jaspers, K. (2000) *Vsemirnaya istoriya filosofii* [World History of Philosophy]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka.
12. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside the thinking worlds]. St. Petersburg: Azbuka.
13. Heidegger, M. (2003) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German. Kharkov: “Folio”.
14. Deleuze, G. (2011) *Logika smysla* [The logic of sense]. Translated from French. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
15. Geyzenberg, V. (1963) *Fizika i filosofiya* [Physics and Philosophy]. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
16. Bakhtin, M. (1979) *Problema poetiki Dostoevskogo* [The Problem of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
17. Leibniz, G.W. (1982) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Mysl'.
18. Nietzsche, F. (2006) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Translated from German. Vol. 13. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
19. Nietzsche, F. (2006) *Jenseits von Gut und Böse* [Beyond Good and Evil]. Köln: Anaconda Verlag GmbH.
20. Laclau, E. & Mouffe, Ch. (2001) *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics*. London: Verso.
21. Nietzsche, F. (2007) *Polnoe sobranie sochineniy: V 13 t.* [Complete Works: in 13 vols]. Translated from German. Vol. 4. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya.
22. Voytskaya, I. (ed.) (1996) *Fridrikh Nitshe i russkaya religioznaya filosofiya: perevody, issledovaniya, esse filosofov “serebryanogo veka”: v 2 t.* [Friedrich Nietzsche and the Russian religious philosophy: translations, studies, essays by the philosophers of the Silver Age: in 2 vols]. Vol. 1. Minsk; Moscow: Alkiona – Pristel's.
23. Gritsanov, A.A. (ed.) (2007) *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [Newest Philosophical Dictionary]. Minsk: Sovremennyy literator.

Received: 05 April 2018